

ЛЕВ БЕРДНИКОВ

СИЛУЭТЫ

ЕВРЕЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В РОССИИ

XIX — НАЧАЛА XX В.

Лев Бердников

**Силуэты. Еврейские писатели
в России XIX – начала XX в.**

«Accent Graphics communications»

2017

Бердников Л. И.

Силуэты. Еврейские писатели в России XIX – начала XX в. /
Л. И. Бердников — «Accent Graphics communications», 2017

В книгу включена серия избранных художественно-биографических очерков о писателях, внёсших ощутимый вклад в русско-еврейскую литературу XIX – начала XX вв. Особое внимание уделено авторам, стоявшим у истоков этой литературы, и переводчикам, открывшим российскому читателю практически незнакомый многогранный еврейский мир.

© Бердников Л. И., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

«Тайная некая сила призывает меня к перу». Лев Невахович	6
Учёный еврей. Леон Мандельштам	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лев Бердников

Силуэты. Еврейские писатели в России XIX – начала XX в.

© 2017 Лев Бердников

* * *

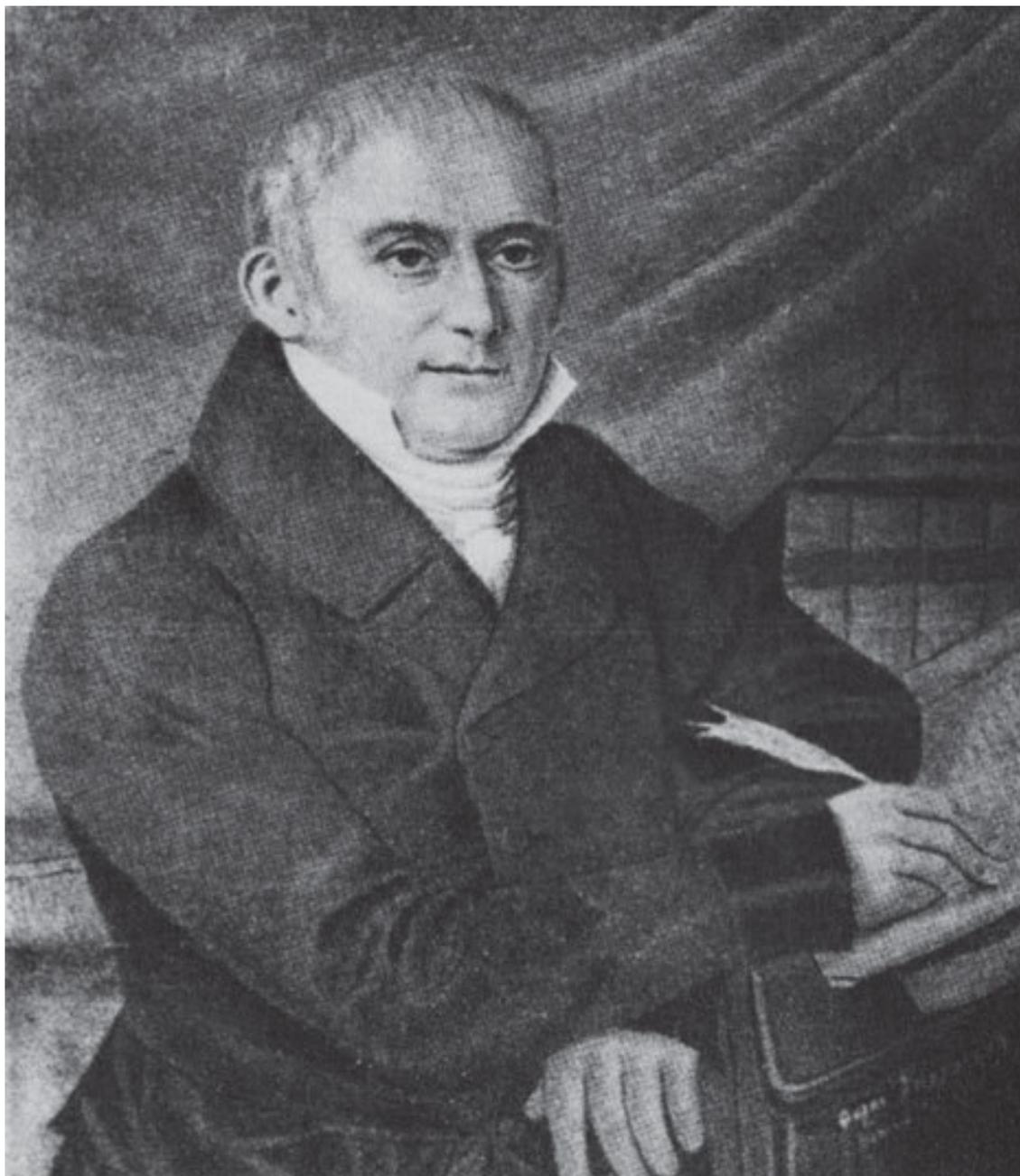
«Чем больше углубляешься в замкнутые миры писателей, тем яснее становится, что они не только литераторы, но и литература; что есть известные проблемы, сюжеты и мотивы, что объединяют их в одно целое; что наша словесность, рассматриваемая как бы в разрезе, обнаруживает явные линии духовных преемственностей».
Юлий Айхенвальд.

«Тайная некая сила призывает меня к перу». Лев Невахович

Он стал русско-еврейским писателем в те времена, когда евреи России по-русски ещё не говорили. И даже крестившись, он не порывал связи со своим народом и изобразил магендовид на своём дворянском гербе.

Жизнь и судьба этого литератора-еврея весьма поучительна. Он впервые на русском языке стал писать о евреях, причём с еврейской точки зрения. И органически соединил в своём творчестве заботу о судьбе своих соплеменников и горячую любовь к России и русскому народу. Речь идет о публицисте, драматурге и просветителе Иехуде Лейбе бен Ноахе, или, как его называли на русский манер, Льве Николаевиче Неваховиче (1776-1831).

Сведения о ранних годах Неваховича весьма скудны. Известно, что родился он в 1776 году в древнем, упоминаемом ещё в летописях XIII века, польском городке Летичеве Подольского воеводства (ныне Хмельницкая область Украины), где евреи жили ещё с незапамятных времен и составляли значительную часть населения. Здесь была синагога и два еврейских молитвенных дома. Когда Иехуде Лейбу исполнился год, Летичев подвергся разорению воинственными гайдаками, учинившими погромы и избиение еврейских обитателей города, многие из коих вынуждены были спасаться бегством. Но Всевышнему было угодно, чтобы родители Неваховича уцелели в сей кровавой бойне. О них мы знаем лишь то, что они были правоверными иудеями и что отец семейства какое-то время был банкиром в Варшаве. Можно предположить, что Невахович-старший взял на себя расходы по обучению сына и, видимо, привил ему жадный, всепоглощающий интерес к наукам. Факты свидетельствуют: Иехуда Лейб уже до бар-мицвы (!) получил универсальное, поистине энциклопедическое образование. Помимо иврита, немецкого, польского и русского языков, которыми он владел свободно, Иехуда Лейб делал переводы со многих европейских наречий. Он глубоко постиг не только премудрости Торы и Талмуда, но и прекрасно ориентировался в современных ему русской и немецкой литературе. Он всегда отличался неукротимым стремлением к самообразованию (черта, prominently отмеченная историком Юлием Гессеном), постоянно пополняя свой интеллектуальный багаж.

Абрам Перетц

Жажду знаний не остудила в нём и ранняя женитьба по настоянию отца на нелюбимой, но состоятельной девушке из «хорошей семьи». Пришлось переехать в Звягель (Новоград-Волынский) примаком в дом тестя, и тот делал всё возможное, чтобы зять-грамотей вместо бесплодных умствований нашёл себе хлебную работу. И нашёл-таки Иехуде Лейбе тёпленькое местечко – секретарём местного кагала.

Но терпеть посылку жену и жестокых домочадцев юный искатель знаний долго не смог. В середине 1790-х годов он порывает с ортодоксальной семьёй и бежит в белорусский город Шклов – признанный мировой центр Еврейского Просвещения XVIII века. Вскоре он становится учителем Абрама Израилевича Перетца (1771-1833), в будущем крупного коммерсанта. С последним они станут потом соратниками и друзьями до конца жизни, о чём мы ещё расскажем, а пока зададимся вопросом: какими уникальными знаниями надо было обладать, чтобы стать ментором этого европейски образованного человека?! Ведь Перетц к тому времени

не только получил традиционное еврейское образование (он был выпускником иешивы), но свободно говорил на русском и немецком языках, владел светскими науками, был ревностным сторонником Еврейского Просвещения (Гаскалы). Понятно, что учить такого школяра было столь же почётно, сколь и ответственно.

Оказавшись в Шклове, Невахович окунулся в атмосферу напряжённой интеллектуальной жизни. К тому времени здесь нашли себе приют выдающиеся представители Гаскалы. Тесть Перетца Иехошуа Цейтлин (1742-1822) – крупный гебраист и толкователь Талмуда – был основателем Бет га-Мидраша, своего рода народной еврейской академии, где многие маскилим (просветители), получая всё необходимое для жизни, могли предаваться своим учёным занятиям. Иехуда Лейб свёл знакомство и с медиком, пионером белорусского просвещения Барухом Шиком (1740-1812); и с известным писателем и педагогом Мендлем Сатановером (1749-1826); и со знатоком библейского языка и его грамматики Нафтали-Герцем Шульманом (1765 – ок. 1830) и др.

Ревностным последователем учения Мозеса Мендельсона (1729-1786) становится и Невахович. Но в отличие от Цейтлина и Перетца, испытавших на себе влияние раввинизма (миснагдим), с его резким неприятием духовного движения хасидов, он обнаруживает в этом вопросе завидную широту и толерантность, акцентируя внимание не на том, что разъединяет евреев, а на том, что их объединяет. Ещё одна отличительная черта Неваховича, обозначившаяся ещё в юности, – это его неизменный и неподдельный интерес к русскому языку, на коем он писал и говорил безупречно. Этим он резко выделялся на фоне остальных маскилим, которые в сущности были космополитами. Это признаёт и Александр Солженицын: «Невахович, из просветителей-гуманистов, но не космополит, а привязанный к русской культурной жизни, исключительное тогда явление среди евреев».

В конце 1790-х годов Иехуда Лейб обосновывается в Петербурге, где живёт в доме своего бывшего ученика и друга Перетца. Перетц и Невахович сразу же вливаются в еврейскую общину столицы, основанную другим выходцем из Шклова, ревнителем ассимиляции иудеев Нотой Ноткиным (1746-1804). К началу XIX века в городе на Неве уже обосновалась целая еврейская община в несколько десятков человек. Эта небольшая сплочённая группа вела еврейский образ жизни и даже содержала своего резника. Это благодаря Ноткину евреи приобрели здесь и собственный участок на лютеранском погосте (позднее Волково кладбище), основав таким образом первое еврейское кладбище в Петербурге.

Что до Неваховича, то он пробавлялся переводами для Сената с еврейского языка на русский. Известно, что в этом деле ему помогал некто Юда Файбишович. Будучи вхож в высшие круги общества, Иехуда Лейб знал не понаслышке о доброжелательном отношении Павла I к евреям и в качестве доказательства сообщал, что императору «благоугодно было лично удостоить находящихся тогда в Санкт-Петербурге купечество и депутатов сего народа покупкою от них трёх тысяч аршин голубого бархата для придворной надобности».

Работая над письменными материалами по делу лидера белорусских хасидов рабби Шнеур-Залмана бен Баруха (1746-1813), дважды арестованного русскими властями по ложным доносам миснагдим, Невахович не только сочувственно отнёсся к несправедливо обвинённому хасиду, но и, как полагает историк Андрей Рогачевский, способствовал его освобождению. Чтобы понять всю смелость и нестандартность такой позиции Неваховича, достаточно вспомнить обращение с Шнеур-Залманом того же Абрама Перетца. Последний жестоко оскорблял хасида, насильно запер его в своем доме, чем напомнил тому мрачные застенки Тайной канцелярии...

Человек книги, Невахович отдаётся творчеству на заре царствования уже нового государя. Свои размышления и душевные переживания он поверяет бумаге. «Тайная некая сила призывает меня к перу», – признаётся он.

Дебют Иехуды Лейба как литератора являют собой его «Стихи» на день восшествия императора Александра I на престол 12 марта 1801 года, подписанные «Верноподданейший Еврей Лейба Невахович». Это ода, стихотворный текст которой написан на древнееврейском языке и сопровождается русским прозаическим переводом. Как отмечает культуролог Владимир Топоров, «в оде нет и следов сервильности или неумеренности славословий. Зато она весьма дипломатична..., автор подчеркивает и свою принадлежность к евреям и избранную им поэтику, ориентирующуюся на образы еврейской библейской традиции». Вот какой панегирик слагает сочинитель императору:

*Красота Иосифа блистает в чертах образа Его,
а разум Соломона царствует в душе.
Народы о сем восхищаются во глубине сердец своих,
и зывают подобно как древле пред Иосифом:
се юн в цветущих летах, но отец в научении!
Под его токмо Скипетром живущие народы чают,
что никогда не произыдет между ними крамола
от нетерпимости и разнообразия вер.*

Использование славянизмов (атрибутов высокого «штиля») для жанра торжественной оды вполне оправданно и понятно. Заслуживает внимания другое – нарочитое использование автором-евреем ветхозаветной образности (царь Соломон, библейский патриарх Иосиф). Как заметил филолог Олег Проскурин, «во всех основных европейских языках... само название еврейства как бы свидетельствовало о свершившемся отделении современного еврейства (несущего на себе «печать проклятия») от древнейшего, библейского бытия».

Примечательно, что и в «Письмах русского путешественника» Николая Карамзина такое отделение и даже противопоставление явственно прослеживается. Он пишет: «Мне хотелось видеть их Синагогу. Я вошёл в неё как в мрачную пещеру, думая: Бог Израилев, Бог народа избранного! здесь ли должно поклоняться Тебе? Слабо горели святильники в обременённом гнилостию воздухе. Уныние, горесть, страх изображались на лицах молящихся; нигде не видно было умиления; слеза благодарной любви ничьей ланиты не орошала; ни чей взор в благоговейном восхищении не обращался к небу. Я видел каких-то преступников, с трепетом ожидающих приговора к смерти, и едва дерзающих судию своего просить о помиловании».

Для Неваховича, озабоченного бесправным положением своих соплеменников, важно было снять с них эту «печать проклятия». Потому, употребляя библеизмы, он обозначает тем самым духовную связь и преемственность нынешних иудеев с пророками и мыслителями далёкого прошлого. В этой связи приобретает особый смысл и упоминание автором Екатерины II («В тебе водворяется небесная душа Екатерины Великой»). Ведь именно эта императрица запретила в государственных документах употреблять оскорбительное слово «жид», заменив его на «еврей». Слово же «еврей» ассоциируется с Библией, и когда Невахович указывает: «Сочинил по-еврейски... Еврей Лейба Невахович», он словно подчёркивает, что произведение своё написал представитель богоизбранного народа на языке Священной книги. К слову, не только Невахович, но и другие борцы за права евреев прибегали к сравнениям бытия иудеев с их древними праотцами. Яркий пример тому – Нота Ноткин, который в своём Проекте 1797 года обосновывает пригодность евреев к земледельческому труду именно ветхозаветной традицией.

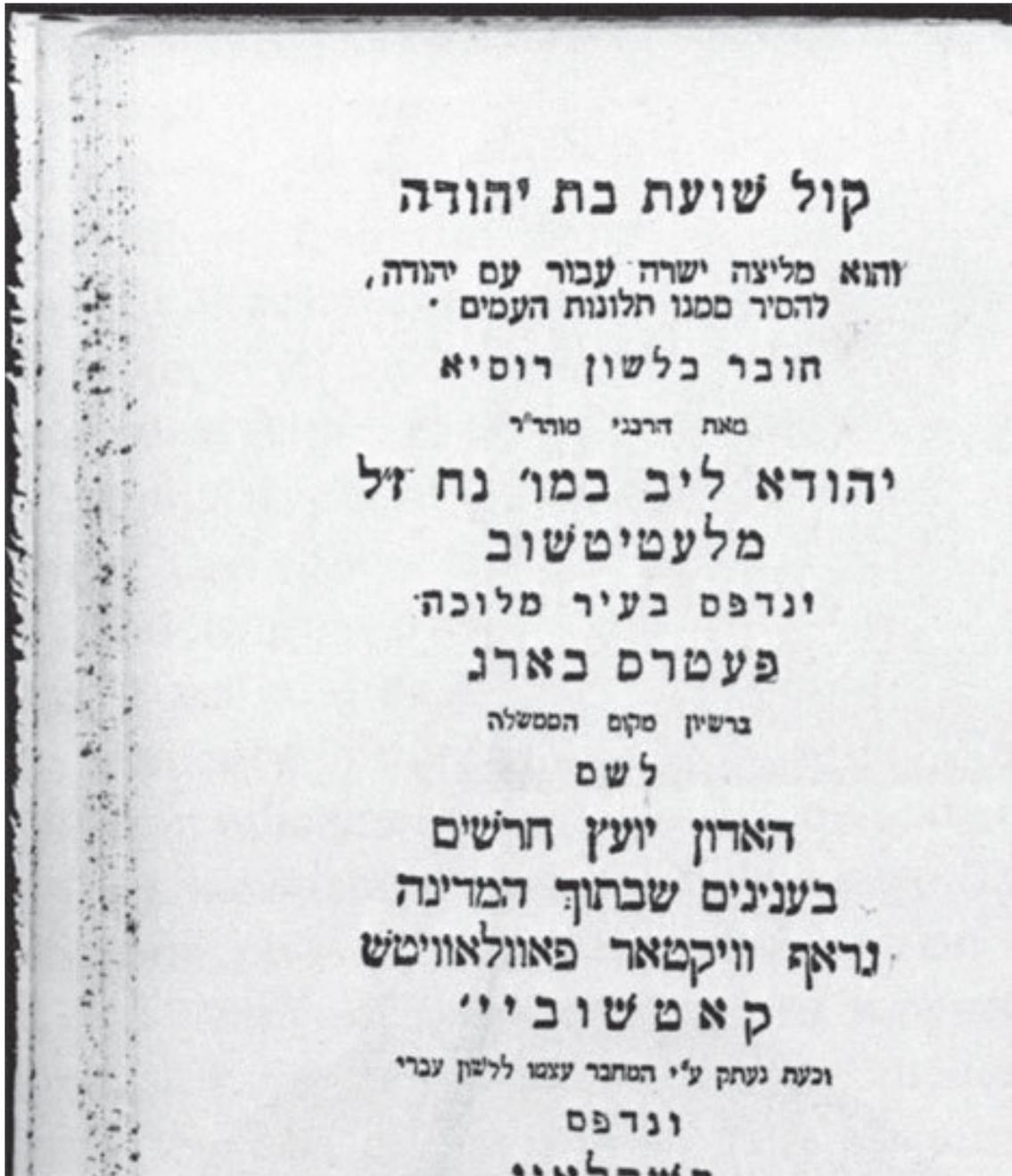
В 1802 году в Петербурге начинает свою деятельность Комитет по благоустройству евреев (так называемый Еврейский комитет), в коем в качестве помощника принял участие и Невахович: он консультировал иудеев – членов Комитета Ноткина и Перетца. Именно в связи с работой этого Комитета Лейба выпускает в свет свою книгу «Вопль дщери иудейской» (СПб.,

1803) с посвящением министру внутренних дел Виктору Кочубею (1768-1834) – аллегорическое изображение положения евреев в России начала XIX века. А в 1804 году книга в адаптированном виде выходит на иврите в Шклове (там была типография с древнееврейскими литерами) под заглавием «Кол Шават бат Иегуда», с посвящениями «защитнику своего народа» Ноткину и «коммерции советнику» Перетцу.

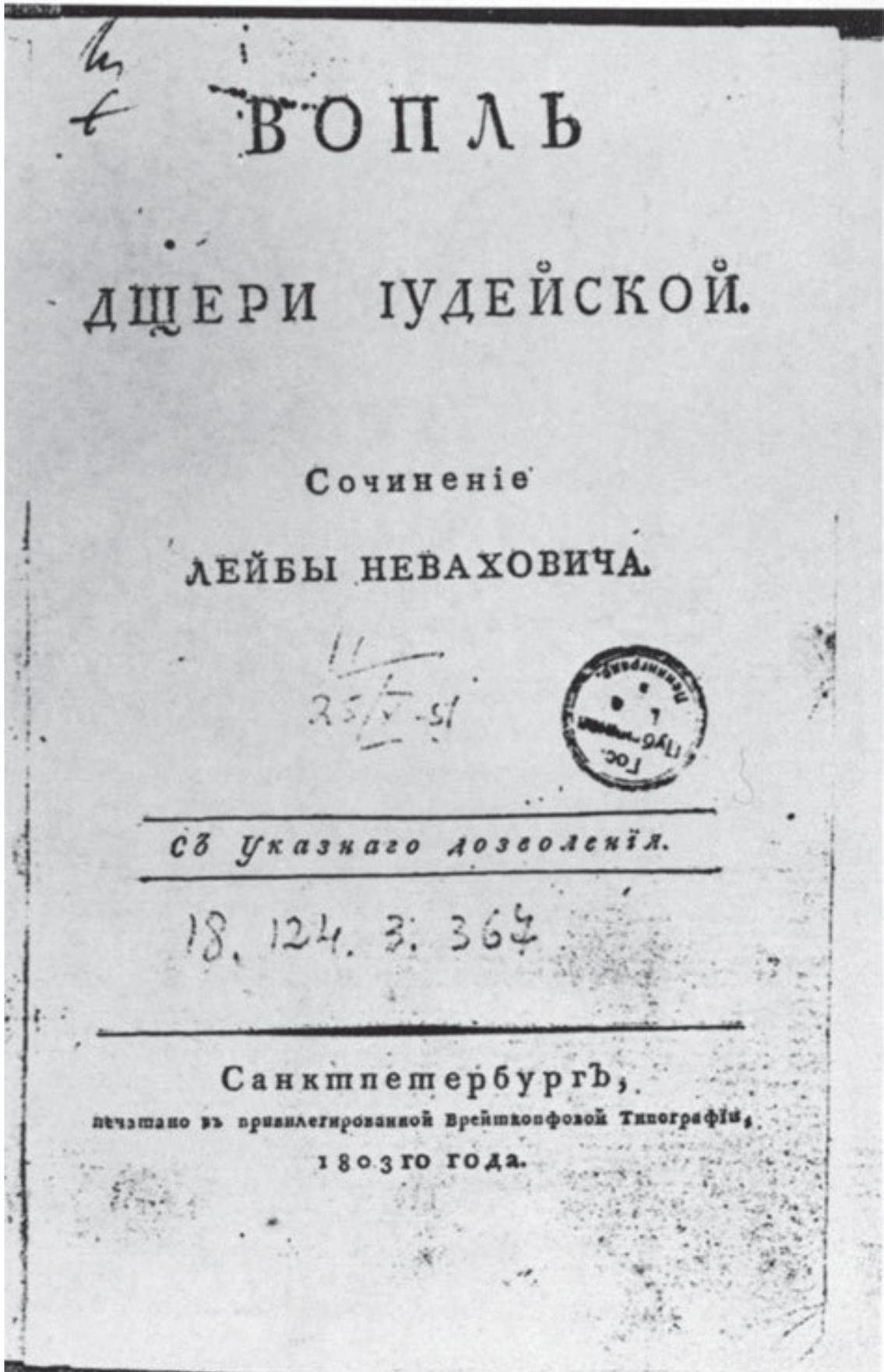
Издание книги на «языке более известном и знаменитом в отечестве» замышлялось автором для русского читателя, точнее, адресовалось властям предрежащим России. Как отметил литературовед Василий Львов-Рогачевский, Невахович «обращался более к власти, чем к общественному мнению, поскольку искал в ней “горячую защиту гонимого народа”». Горячий последователь Мендельсона, он пытался убедить начальство, что «искажённые нравы целых народов не могут иначе исправиться, как посредством отнятия причин, произведших превратность оных». И, отмечая клеветы в адрес иудеев, он призывал: «Прежде чем обвинять кого, внемли гласу его». А вот для своих единоверцев надобны были другие слова, аргументы, акценты.

Композиционно книга состоит из трёх глав: помимо «Вопля дочери иудейской», в неё вошли также «Собеседование между Синат-Гадатом (Нетерпимость), Эметом (Истина) и Шалумом (Миролюбие)» и «Чувствование верноподданного на случай учреждения по Высочайшему Его Величества Государя Императора Александра I повелению Комитета о устройении евреев на пользу государственную и их собственную». Исследователь Израиль Цинберг отмечает значительные расхождения между русским и ивритским текстами. Хотя, по-видимому, вторая глава книги была первоначально написана на иврите (причём под очевидным стилевым влиянием еврейских просветителей-«меасефистов»), другие части в еврейском издании даны в самом фрагментарном виде. Оно и понятно, ведь «Кол Шават бат Иегуда» адресована иудеям и говорит об идеалах самих иудеев – об их просвещении, патриотизме, гражданских добродетелях. Между тем, взывать к религиозной толерантности, к расширению гражданских прав, доказывать, что евреи – «человеки», полезные и верные Отечеству, логичнее было именно перед лицом россиян.

«Вопль дочери иудейской» был воплем не только дочери, но и всех российских иудеев, униженных и экономически, и нравственно. И унижение нравственное для автора тягостнее реальных последствий общественного остракизма. Невахович обнажает душевные раны евреев. «Быть презренным – сего не довольно! – пишет он. – О, мучение, превосходящее всякую горесть на свете! О, мучение, меры которого ни один смертный изъяснить не может! Если бы громы, ветры, бури и шумное треволение океана, смешиваясь с воплем человека презренного, составили единый глас: то разве бы тогда такой ужасный вопль мог выразить великость страдания оного!»

Л. Н. Невахович. Кол Шават бат Иегуда. Шклов, 1804. Титульный лист.

Невахович. Вопль дщери иудейской. Спб., 1803. Титульный лист

Обладая боевым темпераментом, автор в порыве бурного возмущения гневно обличает извечную заскорузлую ненависть к евреям: «Веки – народы обвиняют Иудеев... то обвиняют их в чародействе, то в неверии, то в суеверии... Веки ещё не успели открыть щеты умыслов против них, как уже наступали новые. Подобно звеньям неразрывной цепи соединены оные к утеснению только сего народа, подобно жребием своим несчастному сыну, страждущему среди семейства, ненавидящего его. Братья его толкуют все его поступки в худую сторону, и если когда открывается пред ними его невинность, то они, как бы стыдясь прежних своих ошибок, стараются навлечь на страдальца новые обвинения, дабы продолжать его мучения и заглушать укоризны совести».

Писатель апеллирует к чувствам добрым христиан, живущих бок о бок с евреями: «О, христиане, славящиеся кротостью и милосердием, обратите к нам нежные сердца ваши!.. Ах, христиане!.. Вы ищите в человеке Иудея, нет, ищите лучше в Иудее человека, и вы без сомнения его найдёте. Примечайте только... Клянусь, что Иудей, сохраняющий чистым образом свою религию, не может быть злым человеком, ниже худым гражданином!!!» Свои мысли и чувства он от имени дочери иудейской адресует непосредственно к россиянам: «Возлюбленные Россияне! – К вам преимущественно обращаюсь; пред вами осмеливаюсь отверсти уста мои; пред вами, снисходительные и непоставляющие себе за стыд быть собеседниками с несчастною дщерью Израиля, невзирая на то, что я другого племени, закона и униженного жребия... Пред вами изливаю я сердце моё. Так, – находясь в бездне ничтожества, я видела благодетельного сына вечности, протекший 18-й век, век человеколюбия, век терпимости, век кротости... , век беспримерный в Истории, век, который возвёл Россию на вышнюю степень благополучия, – Россию, которую я принята как дочь».

И Невахович настоятельно подчеркивал, что был сыном своего Отечества, считал себя русским Моисеева закона. «Любовь к Государю и Отечеству, восхищение о нынешних просвещённых временах, удовольствие и некоторый род любочестия и гордыни, что могу наименовать Россиян соотчичами, и соболезнавание, снедающее мою душу в рассуждении моих соплеменников – вот изображение духа, который водит здесь слабым пером моим», – пишет он в предисловии «От сочинителя». Историк Юлий Гессен говорит в этой связи о своего рода двойственности нашего героя; о том, что, выразив соболезнавание своим единоверцам, он тут же изливает любовь и привязанность к сынам «народа знаменитого, народа великого», часто столь нетерпимого к евреям. Однако никакого противоречия здесь нет. Действительно, его любовь к русским по своей силе не уступала, если не превышала, его привязанности к родному племени. Касательно же распространённых антисемитских настроений, цель Неваховича как раз и состояла в том, чтобы умножить число сторонников евреев – мысль утопическая, но какое творчество обходится без утопии?!

Английский историк Джон Клиер говорит о непосредственном влиянии на это произведение идей Гаскалы, французской просветительской мысли XVIII века, теорий Джона Локка и т. д. Он указывает и на свойственный повествованию «сентиментальный стиль». А американский исследователь Дэвид Э. Фишман усматривает здесь воздействие сочинений зачинателя русского сентиментализма Николая Карамзина. В самом деле, Невахович апеллирует здесь не столько к разуму, сколько к чувству, сердцу (он часто употребляет это слово!) «соотчичей», т. е. соотечественников¹. Близко было писателю-иудею и сочувственное изображение его единоверцев, представленное Карамзиным в «Письмах русского путешественника» (утверждение профессора Максима Д. Шраера о «нео-классицизме» стиля произведений Неваховича представляется нам не вполне точным).

---

¹ О сентименталистской тенденции творчества Неваховича свидетельствует обращение автора «Сердца!» (с. [3-6]), пред-
посланное его книге «Человек в природе: Переписка двух просвещённых друзей» (СПб., 1804).

В дальнейшем Невахович, при всём своём остром интересе к еврейству, в литературном творчестве к этой теме непосредственно не обращался. Зато всё громче звучит у него патристическая нота. В 1804 году он публикует философский трактат «Человек в природе. Переписка двух просвещённых друзей», проникнутый идеями просветительского рационализма. Казалось бы, пред нами лишь отвлечённое теоретизирование, но в первом же письме автор вдруг клянётся в любви к родине. И это несмотря на то, что народы, населяющие Россию, различны по вероисповеданию и что есть среди них такие, которые, как он пишет, «не признают в нем брата»! Он верит в победу разума над «предрассудками», ратует за веротерпимость, за «братское» сосуществование народов – без войн, грабежей и взаимного «ожесточения».

Обращают на себя внимание опубликованные Неваховичем в журнале «Лицей» «Примечания на рецензию, напечатанную в... „Allgemeine Literaturzeitung“,... на «Опыт повествования о России», соч. Елагина (1806, Ч. 3, Кн. 2). Автор не столько защищает исторический труд Ивана Елагина от нападков иезуитских критиков, сколько рассуждает о престиже и авторитете России. В первой же фразе «Примечаний...» он признаётся: «Давно уже я желал сказать нечто касательно невыгодного мнения чужеземцев о России». И далее продолжает в чисто русофильском духе: «Сколь с одной стороны не простительно тем чужеземцам, которые позволяют себе без должного размышления осуждать Россиян и основывать суд свой на одних поверхностных сведениях, столь с другой стороны прискорбно, что Россияне доселе *допускали* [курсив Неваховича! – Л.Б.] ещё иезуитам думать о них превратно и предосудительно».

Он называет русских «народом знаменитым по быстрым и чрезвычайным успехам» и призывает: «Самые оскорбительные нарекания должны наконец воспламенить ревность Россиян». Давая отповедь некоторым нелепостям и басням чужестранных историков, пишущих о России, он настоятельно подчёркивает: «Иностранцы, не зная Русского языка, не знают и не могут знать духа Российского народа в настоящем его существе... Россияне всегда имели мужественный дух, язык глубокий и обширный».

И тут с нашим героем происходит досадная метаморфоза: Невахович, который совсем недавно в «Вопле дочери иудейской» риторически вопрошал: «Есть-либ Если б? мы отвергли свой закон, чтоб уравниваться в правах, то сделались ли бы чрез то достойными?», в 1806 году вдруг отказывается от иудаизма и принимает лютеранство (также впоследствии поступит и его друг Абрам Перетц) и даже женится на христианке – Екатерине Михельсон (1790-1837). Впрочем, американский исследователь Люба Виханский указывает, что Михельсон на самом деле была еврейкой и приняла ранее протестантизм. По некоторым сведениям, она была дочерью художника-гравёра, впоследствии члена Императорской Академии художеств Самуила Михайловича Михельсона (1752-1831), уроженца Польши, впоследствии обосновавшегося в Киеве и фигурирующего в списках местной еврейской общины.

Нет сомнений, что Иехуда Лейб, который теперь уже называл себя не иначе, как Львом Николаевичем, предпринял этот шаг из карьеристских соображений. Но едва ли верно мнение современного историка Дмитрия Бутрина, что «после принятия протестантизма [он]... о евреях уже не вспоминал». Живого интереса к соплеменникам он не потерял до конца своих дней. Вот только одно свидетельство – в 1809 году мы находим его имя среди подписчиков еврейского просветительского журнала «Меасеф» («Собиратель»), сыгравшего важную роль в культурном движении Гаскалы (в нём принимали участие такие признанные его апологеты, как Мозес Мендельсон, Соломон Маймон (1753-1800), Нафтали Герц Вессели (1725-1805) и др.).

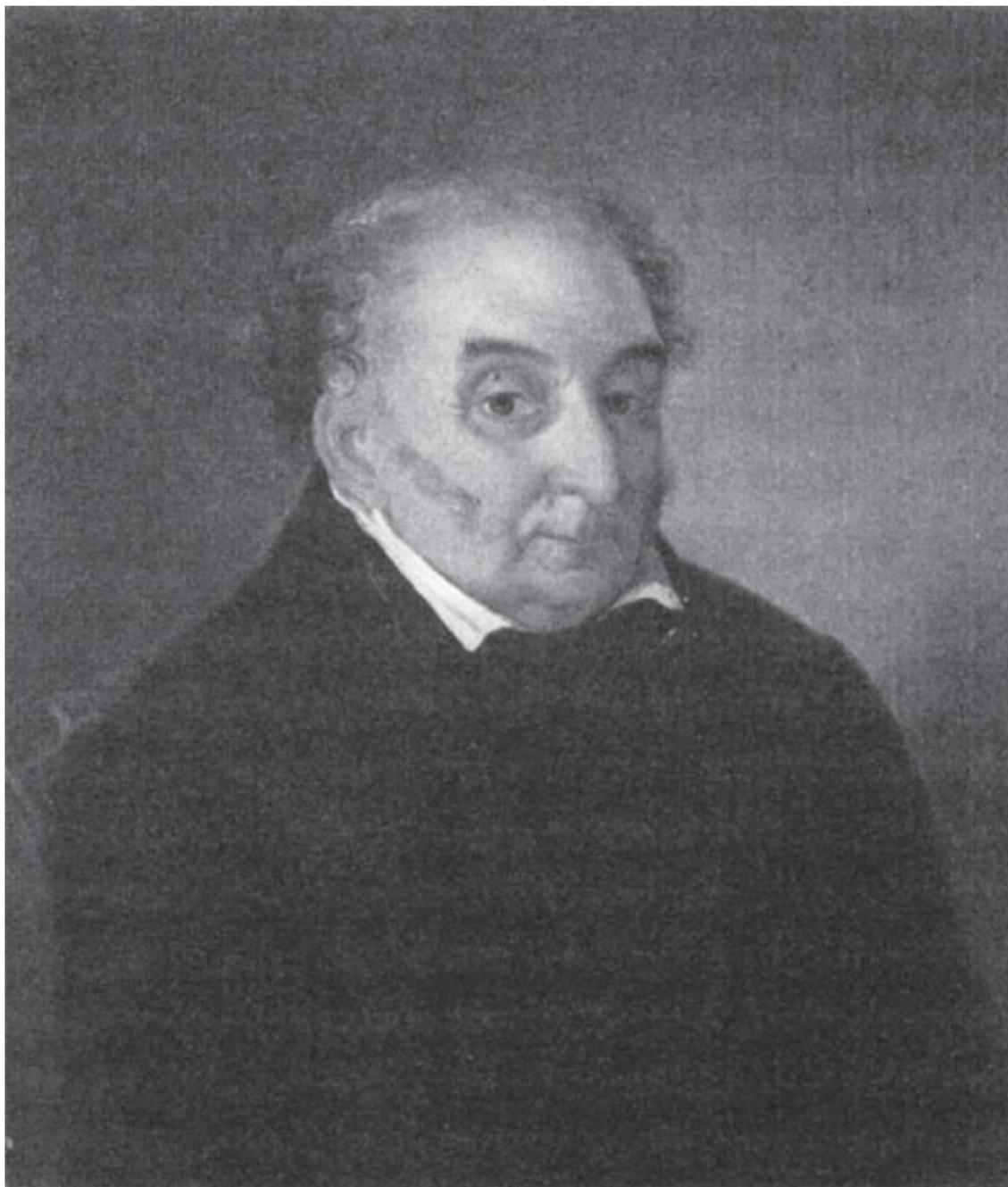
Теперь уже карьера Льва Николаевича вполне задалась. После крещения он получил потомственное дворянство и чин коллежского регистратора, а вскоре и губернского секретаря. В 1809 году был зачислен в службу подканцеляристом в Экспедицию о государственных доходах Министерства финансов. В нём вдруг обнаруживается и предпринимательская жилка, и параллельно, при участии финансового гения – его друга Перетца – он успешно подвизается на ниве коммерции: занимается военными поставками. Постепенно он обрастает свя-

зьями в российском бюрократическом мире [особенно полезным оказалось его близкое знакомство с влиятельнейшим сенатором, комиссаром Царства Польского Николаем Новосильцевым (1788-1838)] и в деловых кругах. В 1815 году его производят в титулярные советники.

Его трагедия «Сулъеты, или Спартанцы осмнадцатого столетия. Историческое повествование в пяти действиях», поставленная на сцене Александринского театра 30 мая 1809 года, имела шумный успех. Приуроченная к приезду короля греко-албанской республики Сулли, который вместе с Александром I посетил премьеру, пьеса была тем более злободневна, что повествовала о героической борьбе греков-суллиотов против завоевателей-турок (а именно – о сражении 1792 года между сулъетами и «правителем Албании» Али-Пашою). Успешный исход этой борьбы за независимость не мог не привлечь внимание русского зрителя и, более того, самого царя. Говоря о драматургических особенностях пьесы, исследователи отмечают «экзальтированный патриотизм “неустрасимых греков”, экзотичность аксессуаров, введение батальных сцен с хорами и особое внимание к женскому героическому характеру». Последняя партия пьесы обрела свою актуальность именно для российского патриота. Героиня трагедии Амасека, вдохновительница побед над турками, восклицала: «Потомки Лакедемонцев! Дстойные братья храбрых Славян! [вот где ключевая идея! – Л.Б.] От собственных дел познавайте, что может произвести единокдушный народ при истинной любви к отечеству, – народ, который не хочет быть побеждённым, исполнен любви и доверенности к своим начальникам и упоает на Бога! – Поспешим во храм и принесём совокупное благодарение за спасение Отечества».

Автор посвятил эту пьесу известной даме сердца царя, фрейлине Марии Нарышкиной (1779-1838) и удостоился высшей монаршей милости: был зван в императорскую ложу и получил золотую табакерку с бриллиантами. В спектакле участвовали лучшие петербургские актеры: Александра Каратыгина (1777-1859), Екатерина Семёнова (1786-1849), Мария Вальберхова (1789-1867), Елисей Бобров (1778-1830) и др. Рассказывали, что когда во время премьеры занавес опустился, правитель Сулли и делегация сулъетов поднесли Каратыгиной (она исполняла роль Амасеки) драгоценные подарки. «Сия драма есть одно из превосходнейших сочинений в своём роде», – восторженно писал о ней литератор Николай Греч. Пьеса не сходила со сцены почти два десятилетия. А в 1814 году она в переводе на греческий язык была представлена в Одессе.

Закономерно, что российский патриотизм приводит Неваховича в стан предтеч славянофильства в русской культуре. Еще в 1805 году он защищает от нападок критики стихотворца Семёна Боброва (1763-1810), ученика старовера и архаиста Александра Шишкова (1754-1841). В статье «Мнение о разборе 2-й песни “Тавриды”..» («Северный вестник», 1805, № 8) он защищает метафорическую усложнённость стиля Боброва, ссылаясь на то, что вдохновение не подвластно правилам. А литературовед Владимир Коровин высказал предположение, что Бобров пользовался советами Неваховича при написании эпической поэмы «Странствующий слепец, или Древняя ночь Вселенной» (1807-1809).

Александр Шаховской

В 1809 году Лев Николаевич сближается и с известным поэтом и драматургом, будущим неперменным членом «Беседы любителей русского слова», Александром Шаховским (1777-1848) и даже живёт у него в доме. Шаховской был занят написанием пьесы на ветхозаветный сюжет «Дебора, или Торжество веры», и он обратился к еврею Неваховичу именно как к знатоку истории Израиля и Священного писания. Вот что он потом напишет: «Я почи-таю своей обязанностью сказать, что г-н Невахович, сочинитель “Сулиотов”, воспомощество-вал мне не только своими сведениями в еврейской словесности, но даже он (по сделанному нами плану) написал некоторые явления 1-го и 2-го действий, переложенные мною с неболь-шими изменениями в стихи; многие мысли и изречения в роли первосвященника извлечены им из Священного Писания; политическая речь Деборы почти вся принадлежит ему. Итак, я с удовольствием признаюсь пред всеми, что его дарования, сведения и здравый ум много спо-собствовали к успеху пьесы». В основе сюжета трагедии лежит библейский рассказ о подвиге

еврейской пророчицы Деборы, избавившей свой народ от ханаанского ига. Однако для русской гражданской и патриотической поэзии начала XIX века библейская и, в частности, ветхозаветная образность приобрели особый смысл и значение. В сознании россиян (особенно накануне Наполеоновского нашествия) состояние гражданской ответственности за судьбу отечества ассоциировалось с Ветхим Заветом, с борьбой древних иудеев за освобождение Израиля. Так само еврейство Неваховича работало на идею русского патриотизма.

Интересно, что враждебные Шаховскому «арзамасцы» – новаторы приписывали писателю-еврею более значительное участие в создании трагедии. Литератор Дмитрий Дашков (1788-1839) в язвительной памфлетной кантате «Венчанье Шутовского» иронизировал:

*Еврей мой написал Дебору,
А я списал.
В моих писаньях много вздору –
Кто ж их читал?*

Примечательно, что эти шуточные строки переписал в свою тетрадь шестнадцатилетний лицеист Александр Пушкин.

Трагедия «Оден, царь скифский» (1810), переведённая со шведского, была лишена литературных достоинств и повлекла за собой уничтожающий отзыв литератора Александра Измайлова, который назвал сей опус «рукодельем израильянина Неваховича». Он писал: «От сотворения мира не было на театре такой глупой пиесы, но пиеса эта – трагедия, а трагедии очень любит наша публика». Пьеса на сцене не удержалась и была поставлена всего дважды.

В дальнейшем Невахович сосредоточился на делах, от изящной словесности весьма далёких, в коих весьма преуспел. В 1813 году он под покровительством всеильного Новосильцева переезжает в Варшаву и становится главным поставщиком продовольствия и фуража для русской армии в Польше. Ему удаётся оттеснить докучливых конкурентов и в 1816 году (при поддержке того же Новосильцева) заполучить право на управление всей табачной монополией в Царстве Польском. Дальше – больше: в его руках оказывается продажа спиртного и мяса в Варшаве, аренда кошерного дохода и т. д. С 1821 года он служит уже в Правительственной комиссии финансов в Варшаве и в награду за усердие и рвение получает ордена Св. Станислава 4-й степени и Владимира 4-й степени. Обласканный властями, Лев Николаевич становится одним из самых богатых людей царства Польского, владельцем многих домов и роскошного трёхэтажного особняка в Варшаве. Согласно архивным материалам, опубликованным историком Дмитрием Фельдманом, в докладе из Секретного архива агента Екатерины Хотяинцевой от 4 марта 1826 года, небольшая группа коммерсантов (в их числе Лев Невахович и Абрам Перетц) за несколько последних лет нажили в Варшавском герцогстве 100 млн. рублей. И хотя в деловых кругах Лев Николаевич снискал себе репутацию надёжного партнера и умелого организатора, мелкие торговцы и шляхта почитали его плутократом, разоряющим страну. Неудивительно поэтому, что в первый же день Польского восстания 29 ноября 1830 года мятежная чернь разгромила дом Неваховича в Варшаве. Но хозяин, по счастью, не пострадал – бежал за полтора месяца до сего события, прихватив с собой деньги и драгоценности. Своим детям он оставит потом весьма крупное состояние, назначив своим душеприказчиком друга юности Перетца.

Израильский исследователь Михаил Вайскопф утверждает, что «художественная фантазия на тему откупщика Лейба Неваховича, выкрестившегося во Льва Николаевича» представлена в повести Рафаила Зотова «Приезд вице-губернатора» (1839): «Ах, боже мой! Да этот жид здесь? Теперь я вспомнил о нём. Он везде вертелся по передним... Его звали Лайбою, но он, кажется, перекрестился и ходит во фраке... Он у вас там понажился у откупов, записался в гильдию и стал уже чиновником. Он уже, брат, канцелярист, почти офицер». И хотя персонаж повести действительно аттестует себя Львом и действует на пару со своей женой, есть

основания усомниться в направленности филиппики Зотова: ведь повесть была написана спустя восемь лет после смерти Неваховича, и, понятно, в этих условиях сей конкретный адресат совершенно терял свою актуальность.

Так или иначе, но, реализовав себе вполне в сферах карьеры и благосостояния, Лев Николаевич как будто успокаивается на этом и пописывает лишь от случая к случаю. Прошла пора читательского и зрительского успеха, и приходится признать: некогда талантливый писатель растерял и прежнюю свою мастеровитость, и литературный дар. Поздние опыты Неваховича заслуживают лишь упоминания. В 1817 году в журнале «Сын Отечества» (№ 30-31) появляется его перевод «Речи о просвещении» Томаса Фридриха фон Рейнбота (1750-1813); в 1823 году – пьеса на восточную тему «Абу-Хассан, или Прожектёр» (на польском языке); она шла в Варшаве, но на сцене не удержалась. В 1829 году Невахович издаёт перевод первых пяти книг «Мыслей, относящихся к философической истории человечества» Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803). Перевод был подвергнут сокрушительной критике в журнале «Московский телеграф» (1829, № 17). В 1832 году, уже посмертно, в Императорском театре, было поставлено его «историческое представление» «Меч провидения, или Надир Тахмас Кули Хан», но и оно прошло незамеченным.

Впрочем, Невахович остаётся верен своей дружбе с Абрамом Перетцем, которую пронёс через всю жизнь. Они непрерывно поддерживали самые тесные отношения: известно, что в бытность в северной столице Невахович часто останавливался в его доме.

Не забывает преуспевший Невахович и о своих национальных корнях. Более того, сохраняет тесные связи с еврейской элитой, печётся о благе соплеменников. В 1829 году он подаёт императору Николаю I сочинённый им «Проект о благоустройстве расстроенного положения народа еврейского до миллиона людей обоего пола, в России обращающегося...», в коем предлагает постепенный план необходимых реформ.

А 17 марта 1831 года он сочинил и свой дипломный герб, который зафиксирован в Ч. 10 «Сборника дипломных гербов Российского Дворянства, не внесённых в Общий Гербовник». И по его настоянию художник-геральдист изобразил в верхней части герба Неваховичей золотую шестиконечную звезду. Это, пожалуй, единственный пример магендовида в дворянской геральдике России! А это означает, что для Льва Николаевича его патент на благородство был никак не мыслим без возлюбленного им еврейского символа.

Значение Неваховича в истории культуры никак не умаляет тот факт, что его сочинение не нашло, да и не могло найти тогда отзвук в широкой еврейской среде, как и «Стихотворения» (1841) Леона Мандельштама и «Мысли Израильянина» (1846) Абрама Соломонова, о чём мы ещё расскажем. Ведь, как отметил израильский литературовед Шимон Маркиш, «полстолетия, по меньшей мере, ещё два маскильских поколения, потребовалось, чтобы возник хоть какой-то круг читателей, приобщившихся к русскому языку». Тем не менее, названные книги обладают непреходящей ценностью, ибо их авторы доносили до россиян еврейские чаянья, еврейский взгляд, еврейский образ мыслей. Невахович выступил здесь пламенным правозащитником; Мандельштам, по его словам, отобразил в книге «еврейский дух»; Соломонов, истый маскиль, грезил о том, чтобы «познакомить своих единоверцев с русским языком и захотеть их к постоянному его употреблению». Грёзы эти станут явью позднее, когда в результате коренной реформы еврейского образования, предпринятого при Николае I, в империи появятся уже тысячи книгочеев, понимающих язык Пушкина и Гоголя. Да и сам термин «русский еврей», по словам американского историка Бенджамена Натанса, стал распространённым только в 1860-е годы. Первым, кто привлечёт острое внимание таких евреев, будет писатель Осип Абрамович (1817-1869); он дебютирует в печати в 1847 году, станет редактором первого русско-еврейского журнала «Рассвет» (Одесса, 1860-1861) и получит статус пионера русско-еврейской литературы. Но это нисколько не умаляет заслуг Неваховича. Это он стоял у истоков еврейской русскоязычной литературы, всемерно приближал её появление.

1 августа 1831 года Льва Николаевича не стало. Он похоронен на Лютеранском (Волковом) кладбище в Петербурге. На надгробном монументе выгравирована надпись: «Там обители, миры, пространства – они блистают в полной юности, после истечения тысячелетий; перемена времён не лишает их лучезарного света. Здесь же под вашими взорами всё истлевает, время угрожает разрушением земному великолепию и земному щастию... Из трудов покойного».

Очень выразительно и проникновенно говорит о жизни Неваховича культуролог Владимир Топоров: «Он вкусил и немало горечи, испытал и неудачи, и неблагодарность, и разочарование, и крушение иллюзий. Как, умирая, оценивал сам Невахович свою “русскую” жизнь, мы не знаем, но в России... память о нём сохраняется, точнее, оттаяла после десятилетий ледяной стужи, беспамятства и равнодушия, и эта память – признательная и благодарная: она прежде всего о самом человеке и о лучшем из того, что им сделано».

* * *

От брака с Екатериной Михельсон у Льва Неваховича было двое сыновей и дочь. Старший сын, Михаил (1817-1850), писатель и блистательный карикатурист, был родоначальником русской литературной карикатуры, издателем весьма популярных в свое время журналов «Ералаш» (1846-1849), «Волшебный фонарь» (1848) и др. Другой сын, Александр (?-1880), драматург, заведующий репертуарной частью Императорских театров, переводил водевили с французского, в 1829 году поставил «Гусмана д'Альфараша» – весёлый фарс, пользовавшийся у зрителей большим успехом, а в 1849 году – «Поэзию любви». О нём, между прочим, сохранился забавный литературный анекдот. Александр признался однажды актёру Петру Каратыгину: «У меня такая плохая память. Я так рассеян...», – «Как племя иудейское по лицу земному», – закончил фразу Каратыгин. Выйдя в отставку, младший Невахович ездил с итальянской труппой в Константинополь, но, потерпев неудачу, оставил навсегда театральное дело и переселился за границу, где и умер.

Известен также его сын, Николай Александрович (1835-1901), вице-адмирал Флота. А вот красавица-дочь Льва Неваховича, Эмилия Львовна Невахович (Мечникова) (1814-1879), была в своё время предметом недолгого увлечения самого Александра Пушкина. Её сыновьями были знаменитый ученый, лауреат Нобелевской премии Илья Ильич Мечников (1845-1916) и его братья, известный географ и социолог, а также анархист, участник освободительного движения в Италии (Рисорджиненто), сподвижник Джузеппе Гарибальди Лев Ильич Мечников (1838-1888), а также Иван Ильич Мечников (1836-1881), тульский губернский прокурор, впоследствии председатель Киевской судебной палаты. Интересно, что последний является прототипом героя повести Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Учёный еврей. Леон Мандельштам

Он был первым евреем, окончившим российский университет, издавшим сборник своих стихотворений на русском языке и ставшим первым переводчиком произведений А. С. Пушкина на иврит. Поэт Осип Мандельштам приходился ему внучатым племянником.

Этот еврейский юноша совершил беспрецедентный по тем временам поступок: он покинул отчий дом и отправился в Москву, чтобы учиться в тамошнем университете. По пути в Первопрестольную он встретил кантора, который, узнав о цели его путешествия, спросил: «Зачем вы едете? Вы могли бы быть первым в своём народе, а оставляете всё, чтобы быть последним среди ученых христиан». – «В Талмуде сказано: будь лучше последним у львов, чем первым у зайцев!» – парировал наш герой. Звали его Леон (Арье Лейб) Иосифович Мандельштам (1819-1889).

Впрочем, кантор был отнюдь не единственным в иудейской среде, у кого поступок этого молодого человека вызвал, мягко говоря, недоумение. О Леоне сокрушались, прежде всего, его домочадцы, воспринявшие сей его шаг как отступничество от еврейства. «Отец дал тебе платье, ты его переменишь, – взывал к беглецу его брат, – мать играла твоими кудрями, ты их срежешь. Ты станешь говорить языком, для нас непонятным, и будешь писать рукою, для нас незнакомою...»

Между тем, Леон происходил из семьи далеко не самой ортодоксальной. Он родился в городе Жагоры Виленской губернии, что располагался на границе с Курляндией (ныне между Литвой и Латвией). То был важный тогда торговый город на берегу реки Швети с населением в 3 тысячи человек, половина из коих была иудейского происхождения. Благоприятную почву нашли здесь идеи Гаскалы и её основоположника Мозеса Мендельсона, ярко и боевито изложенные в программе германского журнала на древнееврейском языке «Меасеф» («Собира-тель»). Общий лозунг авторов сего издания – «Тора и мудрость, вера и разум», они стремились доказать совместность истинной религии и еврейского просвещения, свято веря в свой идеал.

Леон Мандельштам

Отец Леона, Иосиф (Иосель) Мандельштам (1776-?) был человеком эрудированным и весьма энергичным. Видный купец, он исколесил по торговой надобности Россию, Польшу, Германию, и хотя поднаторел в изучении Талмуда и иудейской книжности, был не чужд просветительских идей. Между тем, борьба еврейских фанатиков старины против новых веяний принимала тогда средневековый характер – «зловредные» книги они сжигали на кострах. Одно только хранение Библии в переводе Мендельсона почиталось подвигом самопожертвования; людей сживали со света, сдавали в солдаты за малейшее прегрешение против религии. Однако Леон, благодаря родителю, получил, по счастью, не только традиционное еврейское, но и общее образование, изучал иностранные языки и европейскую литературу. Вот как об этом вспоминает он сам: «Денно и ночью занимался Талмудом и в 12 лет получил эпитет “илуй” (отличный) и симптомы чахотки. Много читал, благодаря отцу и старшим братьям, из учеников Мендельсона, потом философию Маймонида, Спинозы». Он жадно поглощал знания, «как прародитель

наш, библейский Авраам, вкушая сок небесного плода – просвещения». Это именно о Леоне и его единомышленниках, видевших национальные злоключения в изоляционизме и жестокостью, рассказал еврейский публицист: «В какой-нибудь уединённой каморке, вдали от стариков, при слабом освещении сального огарка, собирались все эти юные искатели света; здесь делились они впечатлениями прочитанного, обменивались книгами, горячо спорили о судьбах своего народа. Сколько тут созрело упований, сколько в них билось самоотверженной любви, и какой горячей верой в предстоящее обновление были переполнены их юные сердца. Никто до них и после них не заглядывал так глубоко в застарелые язвы народа; никто, даже самый лютый враг еврейства, не был проникнут, как они, горячей ненавистью к порокам и слабостям своих единоверцев; никто так нещадно не бичевал их, как они».

Мандельштам, наряду с древнееврейским, латинским, овладел также немецким и французским языками и даже пробовал свои силы в сочинительстве на сих наречиях в духе модного тогда романтического направления. Стал углублённо заниматься и русским языком. О том, как постигали в ту пору язык Пушкина и Гоголя молодые евреи из местечек, рассказывает С. Анский (Шлойме-Залман Раппопорт, 1863-1920) в повести «Пионеры» (1904-1905): «А как мы учились? Разве мы знали, с чего начать? Разве у нас были книги?! В полночь, прячась в подвалах и погребках, с риском для жизни учились мы русской грамоте. И как учились! Товарищ, умерший от чахотки, выучил наизусть русско-немецкий словарь, – русско-еврейского тогда ещё не было, и таким образом выучился по-русски. Другой товарищ выучил наизусть “Свод законов”, чтобы сразу и по-русски научился и законы узнать».

Евреи в России в XVIII веке

Впрочем, Леон освоил русский язык настолько, что по прошествии нескольких лет, хотя не всегда правильно выговаривал слова, но легко мог писать на нём не только прозу, но и стихи. При этом он проявил столь завидное владение версификацией, что мог справиться с прихотливой рифмовкой русского сонета. Из своих стихотворных опытов он составил целую рукописную книгу, которую всегда держал при себе.

Судьбоносной оказалась встреча нашего отрока с заезжим русским офицером (военные часто столовались в корчме отца), с которым они сошлись в шахматной баталии. В той партии Леон одержал победу, но он выиграл вдвойне, поскольку проигравший, под впечатлением от его интеллектуальных способностей, насказал много лестного об «образованном русском обществе», о «новом, свободном, изящном», что дало мальчику новый стимул к изучению наук. Известно, что он продвинулся в изучении логики, общей и частной риторики, математики (алгебры, геометрии, стереометрии), получил общие понятия по предмету всеобщей истории и некоторые сведения по общей и русской статистике.

Самообразование нашего героя оказалось, однако, на время прерванным из-за ранней женитьбы. Избранница шестнадцатилетнего Леона (точнее, его отца, ибо на раннем браке настоял именно Манделъштам-старший) принадлежала к совсем иной среде. В доме тестя, в еврейском местечке Кейданы (ныне г. Кедайняй) Ковенской губернии, куда после свадьбы переселился юный Леон Манделъштам, царила воинствующая ортодоксальность; занятие любыми «посторонними» предметами, такими, например, как чтение какой-либо неталмудической книги, воспринималось здесь как богохульство. Долго оставаться в этом доме Леон не мог; он вернулся под отцовский кров, а вскоре и развелся с женой, хотя у них родилась маленькая Гитель. Боль расставания с любимой дочерью он увековечит впоследствии в «Колыбельной Гители»:

*Спи, малютка мой родимый,
Не знай пока, что слёзы лью,
Что, как огонь неугасимый,
Печаль снедает грудь мою;
Я всё снесу, всё утаю!..*

Главное то, что Манделъштам, как ему мнилось, угадал своё призвание – стать защитником и просветителем своего народа, в большинстве своём – увы! – далёкого от европейской культуры того времени. Вот какие сокровенные чувства поверяет бумаге двадцатилетний Леон: «Так я стою теперь – дикий, сильный, свободный сын природы, любящий свое отечество и язык родимого края, но несчастный несчастием моих единоверных братьев. Я разгневан на их ожесточение, губящее их способности, но я привязан узами родства и чувства к их бедствиям. Цель моей жизни есть оправдать их перед светом и помочь им удостоиться этого оправдания». Состояние нашего героя очень верно передал литератор И. Кисин: «С одной стороны, он весь во власти чар освящённых временем традиций гетто; с другой, его манят новые миры и новые формы жизни. Он изнывает от этого вечного разлада, и душу его терзают сомнения и вопросы... Его страшит будущее, он знает, что осуждён на одиночество в чужом мире, но его влекут туда силы, которым он не может противостоять».

Жажда самых разносторонних знаний возбуждает в нём желание получить систематическое образование, что было возможным только вдали от родных пенатов, в столичном университете. Невольно вспоминается рассказ Шолом-Алейхема «Выигрышный билет», где еврейский юноша тоже покидает местечко и едет учиться в большой город. Финал рассказа, однако, трагичен: образованный еврей, дабы преуспеть, отказывается от веры предков, за что родные его проклинаят и хоронят заживо. Не то Манделъштам! Он не только не изменяет своей религии, но обращает к еврейству все свои помыслы, делает заботу о соплеменниках смыслом всей жизни. Позднее, подводя итог своим трудам и дням, он скажет: «Три идеала управляли донныне моим духом и сердцем: образование, родина и моя нация!» А тогда, накануне отъезда из Жагор, он посвящает родному местечку вот какую «Прощальную думу»:

Спи, отчий дом, уж бдит твой друг,

*Уж бдит твой гений над тобою;
Лишь за тебя ушёл он вдруг
В чужую даль, борясь с судьбою;
За вас пошёл он в дальний путь,
За вас открыл стрелам он грудь;
И только вы – его награда,
И честь, и слава, и отрада...*

По счастью, «стрелы судьбы» пролетели мимо нашего героя: русская Фортуна к нему явно благоволила. Он приехал в Вильно, чтобы сдать экстерном экзамены за курс губернской гимназии. И не беда, что первая попытка оказалась неудачной, зато вторая дала свои плоды. Попечитель Виленского учебного округа пишет по сему поводу ректору Московского университета: «По вторичному испытанию Мандельштама совет Виленской гимназии хотя и не признал за ним сведений соответствующими полному гимназическому курсу, но нашёл их, однако же, достаточными для дозволения поступать в университет... Основываясь на этом заключении и приняв в соображение природные способности помянутого Мандельштама, составляющего необыкновенное среди единоверцев своих явление, его любовь к наукам и особенные дарования к языкам и словесности... я решился отправить его в Московский университет вольным слушателем». По приказу министра народного просвещения графа Сергея Уварова (1786-1855) Мандельштам «без дальнейшего испытания» был допущен к слушанию университетских лекций.

Не правда ли, странно: еврей показывает на экзамене не слишком блестящие познания, а чиновник, тем не менее, выдаёт ему аттестат да ещё снабжает рекомендательным письмом; сиятельный же министр немедленно зачисляет его в студенты. Как-то не вяжется такой «режим наибольшего благоприятствования» с процентной нормой приёма евреев в вузы, традиционно ассоциирующейся с царской Россией!

В дальнейшем Мандельштаму суждено будет дожить и до этих ограничительных (если не сказать, юдофобских) мер. Но тогда, в 30-40-е гг. XIX века, иудеи вовсе не рвались в университеты – они были заперты в местечках, полностью отгороженных от русской жизни, языка и культуры. А потому и образовательная политика правительства по отношению к ним была совершенно иной. Объявив Талмуд и «фанатизм» раввинов виновниками сепаратизма сего народа, власти провозгласили тогда главной своей задачей нравственное и религиозное преобразование еврейской нации, её сближение с христианским населением империи. А для этого надлежало создать сеть школ и казённых училищ, в коих наряду с иудаизмом (впрочем, модернизированным, ибо из программы всячески стремились вытеснить Талмуд, зато настоятельно рекомендовалась Библия в немецком переводе и с комментариями Мендельсона) преподавались бы предметы общеобразовательные: математика, физика, риторика, география, иностранные языки (и прежде всего, русский), отечественная история, литература и т. д.

Граф Сергей Уваров

Проводить сию реформу в жизнь и стал министр народного просвещения Сергей Уваров. Именно при нём возникло полуофициальное деление евреев на «полезных» и «беспольных». К числу «полезных» относились «маскилим»: на них-то и делало ставку правительство Николая I. Министр Уваров, не найдя в Отечестве «русского Мендельсона», привлёк к делу просвещения немецкого еврея Макса Лилиенталя (1815-1882) и вёл переписку с иудеями Европы, чтобы выписать из-за кордона учителей для будущих еврейских школ. И можно себе представить, какой музыкой для его ушей стало неожиданное известие о появлении здесь, в Вильно, своего русского еврея, стремящегося к высшему образованию! Именным приказом он санкционирует зачисление Мандельштама в Московский, а затем и в Петербургский университеты, причём внимательно следит за его академическими успехами.

Л. И. Мандельштам. Стихотворения. М., 1841. Титульный лист.

Впрочем, соученики Леона были озадачены тем, что еврей оказался в русском учебном заведении. «Еврей», – следовательно, не могу иметь желание образовываться, чистого желания, без какой-то корыстной цели», – передаёт он их логику и продолжает: «Они меня спрашивают, к чему мне учиться... Я сначала не понимал этого вопроса и глупо глядел спрашивающим в глаза; потом я хотел было отвечать, что желаю сделаться поэтом, что было бы ещё глупее, но в моём недоумении я слышал другой вопрос, что, может быть, я хочу быть учителем, – и он мне служил ответом на первый вопрос». Впрочем, для Леона мотивы университетского образования были самоочевидны: он искал просвещения, знания и самосовершенствования и хотел лишь «слушать скромно и покорно, как младенец, беседы и рассказы о науках и поэзии». Он будет вновь и вновь повторять: «Если рок, лишавший меня до сих пор радости домашнего счастья, позволит мне способствовать правительству в образовании и просвещении русских евреев, я не буду жаловаться на судьбу, создавшую меня сыном этой нации».

Будучи натурой сложной, Леон совмещал в себе склонность к наукам с мечтательностью. По прибытии в Первопрестольную он вскоре дебютирует и как сочинитель: издаёт за счет неизвестного благодетеля книгу «Стихотворения Л. И. Мандельштама» (М., 1841). Это издание интересно уже тем, что является первым поэтическим сборником на русском языке, написанным еврейским автором.

Сохранилось письмо Мандельштама некоему Александру Васильевичу (не он ли спонсировал это издание?), где Леон раскрывает творческий замысел книги, её цель и читательское назначение. Он говорит здесь о несовершенстве своего творения и просит критиков указать ему на «ошибки в выражениях, в размере, в слоге» и т. д. Но исключительно важен и значим пафос этого произведения. Вот что говорит об этом сам Мандельштам: «Я смотрю на свои стихи как на перевод с еврейского, перевод мысленный и словесный...; мрачный мученический призрак духа без тела, так же, как иудаизм, вьётся по ходу моего сочинения... Вы найдёте [здесь] ту пылкую страсть, те болезненные стоны, свойственные “несчастливым изгнанникам мира”».

Создатели современной «Краткой Еврейской Энциклопедии» восприняли эти слова в буквальном смысле и заключили, что стихотворения переведены с древнееврейского языка. На самом же деле Мандельштам, владевший русским вполне свободно, имел в виду совсем другое: речь шла об особом еврейском духе, коим проникнуты произведения сборника (автор так и называет их «плодами моего духа»). Он тем самым подчёркивает, что книга его – не столько достояние русской словесности, сколько часть русскоязычной еврейской культуры. В этом смысле он не мог не ощущать себя преемником писателя-еврея Льва Неваховича, автора сочинения «Вопль дочери иудейской» (1803), написанного на русском языке в защиту соплеменников. «Это [моё] сочинение, – резюмирует Мандельштам, – как редкость со стороны русского еврея, может подать повод к разным беседам о моей нации, и если б можно было одолжить моих единоверцев несколькими словами защиты и утешения!» Он гневно порицает здесь тех русских романистов и сатириков, которые стремятся «унизить евреев перед глазами света». Достаточно вспомнить карикатурное изображение иудеев в произведениях Николая Гнедича (1784-1833), Фаддея Булгарина (1789-1859), Ивана Лажечникова (1792-1869), да и Николая Гоголя (1809-1852), чтобы понять, что подобные обвинения имели под собой серьёзные основания.

Но обратимся к самой книге. Её предваряет предисловие «К читателям», где делается акцент на том, что «сочинитель, родом из Русских Евреев, не имел счастья получить воспитание пластически-Русское». Отмечается, что стихотворения извлечены из рукописи автора (причём, это только малая толика его трудов!), и что в самом порядке их напечатания в книге «видна какая-то связь, знакомая, может быть, вполне, его родственникам и ближайшим друзьям». Совершенно очевидно, что таким связующим звеном между текстами выступает здесь сам сочинитель. Так, под пером Мандельштама впервые в русской культуре иудей становится

лирическим героем книги, обретает эстетический статус. Названия произведений («К Родине», «К певцу», «Действительность», «Мечта», «Стремление» и т. д.) подчёркивают их исповедальный характер. И речь ведётся здесь исключительно от первого лица:

*Не счастлив ли здесь я любовью родных
И дружбой знакомых, средь отчего дома?
Зачем же душа моя, будто влекома,
Несётся всё в страны людей мне чужих?
О родине милой, о детских цветах
Горячие слезы в чужих краях канут;
Пока возвращуся, не все ли увянут
Любимые розы в родимых местах?*

Переживания героя, оторванного от еврейской среды, естественны и глубоко прочувствованны, поскольку поверены жизнью самого автора. В то же время в стихах явлена и драма еврея-интеллигента, одинокого, чуждого новой Родине, коей несёт он весь свой пыл. Вот как живописует он свои душевные борения:

*Вот стоят друзья и братья, –
Милый круг родных,
Простираю к ним объятия,
Чтоб оставить их.
Там вдали я одиноко
Свету чужд всему,
Руки к ним простру далёко –
Их не обниму.
Что ж вы, чувства в вечном споре,
Рвёте, рвёте грудь, –
Выберете в тяжком горе:
Родину иль путь.
Одному мне плавать в море,
С братьями ль тонуть?*

Подчёркнуто биографичны и стихи, навеянные прибытием в Москву:

*Столица России! Мечта моей жизни! –
Изгнанника мира, как сына отчизны,
С любовью матери примешь ли ты?..
Глядит он, глядит на твои красоты, –
И сердце в нём ноет, и рвётся, и скачет, –
Он вспомнил о доме, – и плачет, и плачет!*

Порой автор поражает читателей неожиданными образами, явно опережая своё время. В своём программном стихотворении «Поэт» он, развивая традиционную тему о творце и невежественной черни, вдруг восклицает:

*Не для торгов эдемский крик!..
Толпе не внятен запах цвета,
Толпе не внятен вздох поэта,*

И чужд земным небесный сын!

В словах «запах цвета» заключён весь своеобразный художественный мир поэта, недоступный для понимания непосвящённых. Так и кажется, что сия метафора взята из арсенала поэзии символистов начала XX века!

Вообще, стихотворения Мандельштама отличаются метрическое разнообразие, как правило, богатые точные рифмы, что позволяет видеть в нём умелого версификатора. И хотя его опыты не обходятся без поэтических штампов, для автора, пишущего стихи на неродном языке, это совсем неплохой результат.

Книга вышла в свет, когда Леон был уже студентом. Интересно, что Уваров никак не желает выпускать нашего героя из поля своего зрения. Вот знаменательный факт: в мае 1843 года он приглашает Мандельштама для участия в работе Раввинской комиссии (в качестве переводчика и писаря). Не правда ли, забавная картина: зелёный студент заседает за одним столом с признанными религиозными лидерами [среди коих рабби Ицхак из Воложина – знаменитый Менахем-Мендл Шнеерсон (1789-1866), а также влиятельные лидеры западноевропейского еврейства Адольф Кремье (1796-1880) и сэр Мозес Монтефиоре (1784-1885)] и участвует в решении важнейшего вопроса о просвещении русских евреев!

В 1844 году Леон с блеском заканчивает Петербургский университет и представляет на соискание степени кандидата философии диссертацию «Библейское государство». Речь идёт в ней о политико-экономических основах и государственных учреждениях пророка Моисея, оказавших спасительное влияние на развитие человечества. Отмечается, что именно в Ветхом Завете впервые явлены такие универсальные ценности, как права народа и права личности, свобода земли и свобода лица; во главе государства поставлено право, а индивидуальная независимость граждан есть гарантия для сохранения правительственной власти; религия должна идти рука об руку с наукой; учение необходимо сделать общенародным, а вовсе не уделом касты избранных, поддерживающих деспотию над тёмной бессмысленной толпой; для защиты Отечества следует ввести всеобщую воинскую повинность. Мандельштам касается важных аспектов становления древнееврейского государства, иллюстрируя рассказ живыми картинами Священной истории о быте, отношениях, связях, стремлениях своих древних пращуров. Важно и то, что слова его обретают здесь остросовременное звучание. Вот что он напишет впоследствии, в публикации своей диссертации 1871 года: «Прогрессивные меры к освобождению крестьян, к введению публичного суда, к введению общей воинской повинности, принятые ныне в России, вполне соответствуют Закону Божию, издревле в Израиле служившему главною основою общественного строя».

После блистательной защиты наш герой под патронажем того же Уварова направляется за границу в серьёзную научную командировку для изучения клинописи, где не только овладевает тайнами письма древних шумеров, но и несколькими европейскими языками (в том числе английским, на котором весьма бойко пишет газетные фельетоны!). В 1846 году, по возвращении из чужих краёв в Петербург, он, по примеру «Меасефа», намеревается издавать для своих соплеменников просветительский журнал на древнееврейском языке. Издание, однако, не состоялось, возможно, потому, что петербургская еврейская община находилась тогда в младенчестве и не располагала необходимыми средствами. Сыграло роль и то, что вскоре после приезда Мандельштама в столицу Уваров назначил его «учёным евреем» при Министерстве народного просвещения – должность, которая требовала от Леона полной отдачи и не оставляла времени для других дел. Ведь ему было вменено в обязанность осуществить на практике уваровский проект еврейской школьной реформы, а также курировать работу около полутора сотен открывшихся казённых училищ. На месте он не сидит – ездит с инспекцией то в Виленский, то в Киевский, то в Дерптский учебные округа...

Помимо таланта организатора и администратора, востребованным оказалось и литературное дарование Мандельштама. По поручению министерства он составляет ряд катехизисов и учебных пособий на иврите, немецком и русском языках. Страстный пропагандист русского языка и культуры, он в 1847 году издаёт «Опыт руководства к практическому упражнению евреев в русском языке», куда включает (первые в истории!) подстрочные переводы на иврит фрагментов из поэмы «Медный всадник» и трагедии «Борис Годунов» Александра Пушкина.

Из-под пера Мандельштама выходит и пятитомный труд «Извлечения из Маймонида» (1848) на древнееврейском и немецком языках. Текст средневекового гебраиста подвергся, однако, модификации, был приноровлен к условиям российской жизни. Прежде всего, это касалось вопроса об отношении евреев к неевреям. Пренебрежительное слово «гоим» (так в оригинале) он заменяет на нейтральное «акум» и подчёркивает, что иудеи, находящиеся под властью и покровительством христиан (читай: русских), обязаны не только уважать иноверцев, но и любить их, как своих братьев. Именем Торы он призывает евреев неукоснительно подчиняться законам России и воле её августейшего монарха. Как отмечает американский историк Майкл Станиславский, «все русские маскилим выражали полную преданность государю и свои патриотические чувства, однако это неправомерное уравнивание предписаний Торы с законами царя, а также заявление, что евреи будут жить в России вечно, свидетельствуют о том, что Мандельштам был наиболее радикальным маскилом своего времени».

В числе подготовленных учёным евреем изданий мы находим и руководство по изучению иврита «Хиннух неарим» («Воспитание подростков»), напечатанное в 1849 году, и очерки о гражданских обязанностях «Шней прахим» («Две главы»), увидевшие свет в 1852 году.

Поистине неоценимы и составленные Мандельштамом «Еврейско-русский словарь» (Т. 1-2, 1859) и «Русско-еврейский словарь» (1860), сыгравшие важнейшую роль в эмансипации русского еврейства. Целые поколения иудеев знакомились по ним с основами русского языка.

Чтобы дать представление о том, какие идеи внедрял Мандельштам в еврейские умы, обратимся к его «Учебнику иудейской веры», переизданному затем в 1870 году. Вот как комментирует он слова пророка Моисея «Люби ближнего, как самого себя»: «Кто такой наш ближний? Ближний наш – всякий человек, без различия народа, состояния и веры, каждый нуждающийся в помощи нашей и которому мы можем помочь... Наша любовь к ближнему должна простираться... даже на врагов наших». А ведь эта заповедь, особенно в части о врагах, традиционно связывается не столько с иудаизмом, сколько с христианством! Речь идёт здесь, таким образом, об общечеловеческих ценностях, сближающих обе религии. Примечательно, что главным занятием иудеев он объявляет не столь распространённую среди них торговлю и промысел, а гораздо менее популярные земледелие и ремесло (тут он весьма к месту цитирует 128-й псалом Давида: «Если ты питаешься ручной работою, счастлив ты и благо тебе»). Тем самым он настаивал на приобщении евреев к производительной деятельности, что вполне отвечало программным заявлениям российского правительства, политику которого он как государственный чиновник неуклонно проводил в жизнь. Особое внимание он уделяет отношению евреев к их родине: «Мы должны любить наше Отечество, то есть стараться споспешествовать по силам и всеми средствами благоденствию его».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.